

УДК 340

***ЧТО ОБСУЖДАЛИ НА ЗЕМСКОМ СОБОРЕ ПО ПРОЕКТУ
СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ В КОНЦЕ 1648 ГОДА***

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

Краснодар, Россия

Красницкая А.В.

к.ю.н., доцент

Краснодарский университет МВД России

Краснодар, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются особенности принятия Соборного уложения 1649 г. в контексте предварительного обсуждения участниками Земского Собора некоторых вопросов проекта этого закона. Анализируются нормы Соборного уложения, научные труды по заявленной теме. Отмечается, что в Уложении нашли отражение действительные запросы с мест от разных сословий, и в этом смысле данный акт отражал определенные демократические начала, которые, однако, в дальнейшем императорской властью были обнулены. В статье частично использованы более ранние авторские работы.

Ключевые слова: Уложение, комиссия, сословия, закон, земский собор, челобитные, проект.

***WHAT WAS DISCUSSED AT THE PROJECT COUNCIL
OF THE CATHEDRAL CODE AT THE END OF 1648***

Uporov I.V.

Doctor of History, Ph.D., Professor,

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Krasnitskaya A.V.

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Annotation: The article discusses the features of the adoption of the Council Code of 1649 in the context of the preliminary discussion by the participants of the Zemsky Sobor of some issues of the draft law. The norms of the Council Code, scientific works on the stated topic are analyzed. It is noted that the Code reflected the actual requests from the localities from different estates, and in this sense, this act reflected certain democratic principles, which, however, were later nullified by the imperial power. The article partially uses earlier author's works.

Key words: Code, commission, estates, law, Zemsky Sobor, petitions, project.

Соборное уложение 1649 г. представляет собой уникальный нормативно-правовой акт в истории российского законодательства, причем сразу по нескольким параметрам. Это был первый российский закон столь высокого по тем временам системного уровня, имея в виду прежде всего разбивку текста закона на 25 тематических глав (среди которых главы «О богохульниках и о церковных мятежниках», «О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать», «О службе всяких ратных людей Московского государства», «О суде», «Суд о крестьянах», «О крестном целовании», «О поместных землях», «О посадских людях», «О стрельцах» и др.). Это был первый акт универсального характера, где отрегулированы наиболее важные общественные отношения (разумеется, по мнению законодателя). Это был первый российский закон, ратифицированный печатным образом. Это был первый общегосударственный

акт, который был одобрен представителями разных сословий, то есть относительно демократическим, по тем временам, путем.

И вот этот последний признак представляется наиболее существенным, в связи с чем остановимся на нем подробнее, причем только в одном аспекте, а именно каким образом обсуждался сам проект Уложения перед тем, как его вынести на итоговое заседание Земского собора. Предварительно нужно заметить, что, поскольку архивные материалы Уложенной комиссии не сохранились, то очень сложно составить сколько-нибудь конкретное представление об обстановке, в которой составлялся проект Уложения, и прежде всего речь идет о деятельности Уложенной комиссии, где, собственно, непосредственно формировался сам текст данного законодательного акта. Это касается и сведений о членах такой комиссии. А.Г. Маньков – отечественный ученый, который на фундаментальном уровне исследовал Соборное уложение, в этой связи отмечает, что вопрос о роли каждого из тех, кто приложил руку к созданию Уложения, «целиком относится к области догадок, предположений и косвенных построений» [1, с. 44]. На этом счет имеются исследования, в том числе дореволюционных авторов, которые изучали эти вопросы более активно, чем их последователи (В.Н. Алексеев, Ю.Н. Анучина, С.Б. Веселовский, И. Забелин, П.П. Епифанов, А.К. Кабанов, Н. Калачев, А.Г. Маньков, Д. Мейчик, П. П. Смирнов, В. Строев, М.Н. Тихомиров, В.А. Томсинов, В.Н. Ундольский, Л.В. Черепнин, П.Я. Черных и др.).

Как бы ни было, но к началу октября 1648 г. проекта Уложения в текстовом его изображении был готов, после чего началось чтение, то есть, обсуждение. В литературе отмечается, что обсуждение проекта данного закона происходило отдельно в двух совещаниях, или, как их условно называют, «палатах», а именно в боярской палате и дворянско-посадской палате [2, с. 17-18]. После того, как обсуждение закончилось, государь (царь Алексей Михайлович) дал указ «то все Уложение написать на список» и закрепить его «рукоприкладством» участников соборного обсуждения, затем текст нужно было

«списать слово в слово» в отдельную книгу, при этом книгу эту следовало закрепить подписями дьяков Г. Леонтьева и Ф. Грибоедова, и уж только этот текст должен был быть положен для печатного тиражирования Уложения [3, с. 159]. Как видно из текста самого Уложения (в завершающей его части) работа Земского собора по обсуждению проекта Уложения была закончена 29 января 1649 г. Спустя некоторое время (начало апреля 1649 г.) был издан указ о напечатании Уложения, после чего книги с текстом Уложения поступили в продажу [2, с. 69].

В числе подписавших итоговый вариант Уложения были следующие участники Земского собора - м на первом месте были поставлены церковные служители (патриарх, 2 митрополита, 3 архиепископа, епископ, 5 архимандритов, игумен, благовещенский протопоп), что свидетельствует о большом влиянии церкви на законотворчество. Затем назывались: 15 бояр, 10 окольных, казначей, 5 московских дворян, 148 дворян городовых, 3 гостя, 12 выборных от московских сотен и слобод, 89 представителей посадов, 15 стрельцов. Всего было указано 315 подписантов [4, с. 247]. Преобладали, как видно, представители дворянства, видно и влияние представителей посада. По мнению А. Н. Зерцалова, помимо подписантов, было еще тридцать участников Земского собора, не оставивших подписей. Всего на собор съехались выборные из 116 городов [5, с. 23].

Следует отметить достаточно высокую активность сословных представителей при обсуждении проекта Уложения, который был подготовлен Уложенной комиссией проекта Уложения, о чем свидетельствуют, например, ссылки на них в тексте Уложения. Так, в ст. ст. 42 Главы XVII («О вотчинах»): указывалось: «А ныне государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси, советовав со отцем своим и богомолцем святейшим Иосифом патриархом Московским и всея Руси, и с митрополиты, и со архиепископы, и с епископом, и со архимариты, и игумены, и со всем Освященным собором, и говоря с своими государевыми бояры, и с окольными, и з думными людьми и с

столники, и с стряпчими, и з дворяны московскими, и з городовыми дворяны и детми боярскими указал, и собором уложили...» [6]. И далее шла речь об имущественных правах церкви. Можно предположить, что ряд сословий ставили вопрос о целесообразности ограничения этих прав (в данном случае прав со сделками с родовыми вотчинами). Об этом говорится, в частности, в одной из челобитных, где указывается, что «все выборные люди ото всея земли били челом, чтоб Государь указал у Патриарха, и у властей, и у монастырей, и у протопопов, и у попов вотчинныя земли взять на себя, Государя, которыя даваны с восемьдесят осьмаго году, после указу и уложению прежних Государей...и прежних властей, которые с ними, Государи в то время были на соборе, а в том соборном деле уложение написано, что с тех мест в монастыри вотчинных земель отнудь не давать, а власти де к тому приговору и руки свои приложили» [7, № 33]. Очевидно, на основании этого челобитья и возникла процитированная ст. 42 Уложения.

Представителей сословий при обсуждении проекта Уложения интересовал также крестьянский вопрос. Так, дворянством было выдвинуто требование о юридическом оформлении крепостничества. В царской грамоте в Звенигород от 24 января 1649 г. говорится о челобитье служилых людей «всех городов» с просьбой об отмене «урочных лет» для сыска беглых крестьян. Это челобитье было «доложено» царю боярином кн. Н. И. Одоевским и рассмотрено «освященным собором», боярской думой, земским собором, принявшими решение, вошедшее в Уложение: беглых крестьян и бобылей отдавать их господам по писцовым книгам без «урочных лет» [8, с. 231]. В этой грамоте звенигородской приказной администрации предписывалось руководствоваться уже новым законом. В ст. 1 Главы XI Уложения («Суд о крестьянах») отмеченный вопрос об отмене «урочных» лет был закреплен, в частности, следующим образом: «Которые государевы дворцовых сел и черных волостей крестьяне и бобыли, выбежав из государевых дворцовых сел и ис черных волостей ... тех государевых беглых крестьян и бобылей сыскивая свозити в государевы дворцовые

села и в черные волости, на старые их жеребьи по писцовым книгам з женами и з детьми и со всеми их крестьянскими животы без урочных лет» [6].

Предметом обсуждения Уложенной комиссии был вопрос о частновладельческих, торговых и промышленных слободах на посадской земле и о закладчиках за землевладельцами, избегающих посадского тягла. Так, в челобитной от 30 октября 1648 г. стольники, стряпчие, дворяне московские и городовые дворяне и дети боярские отмечали, что «на Москве ж де и по городом патриарши, и монастырские, и боярские и иных чинов люди, их крестьяне, покупили себе и в заклады поимали тяглые двory и лавки, и погребы каменные, и торгуют всякими товары, и своею мочью и заступою откупают на Москве и по городом таможни и кабаки и всякие откупы, и от того де они служилые и тяглые люди обедняли и одолжали неоплатными долги, а промыслов своих многие отбыли» [7, № 32-1]. 13 ноября 1648 г. кн. Одоевский и другие члены Уложенной комиссии сообщали об этой проблеме и предлагали свои решения. В результате «по царскому указу и боярскому приговору» было решено «взять на ... государя» торгово-промышленные слободы, находящиеся на посадах, «на тяглых и не на тяглых местах» с 1613 г., и возвратить закладчиков на «старые места». 25 ноября 1648 г. последовала новая подписная челобитная «всяких чинов выборных людей» об отписке на государя слобод и возвращении закладчиков «без лет и без сыску». Челобитчики полагали «чтоб впредь слободам со крестьяны и с бобыли и с закладчики, с торговыми и ремесленными людьми, на Москве и в городех всем быть его государевым, а ничьим иным, опричь его государевых людей не быть, и чтоб той розни в его государстве никакой ссоры и розни меж людьми не было» [7, № 32-3].

Как видно, предложения были вполне конкретные. И вот как это нашло отражение в ст. 1 Главы XIX Уложения («О посадских людях»): «Которыя слободы на Москве патриарши и митрополичи и владычни и монастырския и бояр и околничих и думных и ближних и всяких чинов людей, а в тех слободах живут торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промысла про-

мышляют и лавками владеют, а государевых податей не платят и служеб не служат, и те все слободы со всеми людми, которые в тех слободах живут, всех взятии за государя в тягло и в службы безлетно и бесповоротно, опричь кабалных людей ... А впредь, опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городех не быть» [6]. Связь челобитных и данной нормы очевидна. И там, и там речь идет об отчуждении частновладельческих слобод и вотчин в пользу посада с прикреплением к посаду их торгово-промышленного населения и к сыску беглых посадских людей – закладчиков [9, с 251].

Равным образом это касается ст. 5 Главы XIX, где предписываются меры по обеспечению нового порядка: «А котория слободы патриарши и властелинския, и монастырския, и боярския и думных и всяких чинов людей около Москвы, и те слободы со всякими промышленными людми, опричь кабалных людей, по тому же по сыску, взяти за государя. А пашенных крестьян, будет которые объявятся по роспросу их поместей и вотчин старинные крестьяне, а привезены на те земли, и с тех слобод велети тем людем, у кого те слободы будут взяты, свести в свои вотчины и в поместья. А будет у тех пашенных крестьян на Москве и в городех есть лавки, и погребы, и соляные варницы, и им те лавки и погребы и варницы продать государевым тяглым людем, а впредь лавок и погребов и варниц, опричь государевых тяглых людей, никому не держати» [6]. В целом же такого рода проблемы отражали противоречия между, с одной стороны, землевладельцами (в основном представители аристократии и высшего чиновничества), и, с другой стороны, нарождающегося класса российской буржуазии. В данном случае был найден некий баланс интересов, и этому способствовала предоставленная посадскому сословию возможность заявить о своих интересах в рамках составления нового Уложения.

Вместе с тем был вопрос, по которому и боярство, и посад выступали консолидировано. Речь идет о запрете иностранным купцам торговать во всех русских городах, кроме Архангельска. На этом счет представителями указан-

ных сословий были поданы отдельные челобитные. Смысл их один и тот же, хотя терминология различается (из челобитной от стольников, стряпчих, дворян, детей боярских: «московские гости и торговые люди во всяких торгах и в промыслах от немец погибли и разорилися до конца»; из челобитной гостей и торговых людей: «Чтоб в Московском государстве заморские немцы не множились, и иных бы государств королевскими имяны, на Москве живучи не назывались»). Челобитные поступили в «приказ бояр» кн. Одоевского и др. Оттуда был послан запрос в Посольский приказ о том, какими документами определялись условия иностранной торговли в России. Ответ этого приказа был датирован 20 декабря 1648 г., и царь передал его на рассмотрение Земского собора, и вызвал весьма заинтересованное обсуждение (достаточно сказать, что под текстом с изложением ситуации с иностранной торговлей и подтверждением своей позиции подписались 164 выборных человека). Однако в Уложении данный аспект отражения не нашел [10, с. 301]. Можно предположить, что поскольку этот вопрос был связан с внешнеполитическими отношениями, то потребовал большего времени для его решения. Лишь в июне 1649 г. последовал царский указ, разъясняющий особенности иностранной торговли в России.

В целом Уложение, бесспорно, некоторым образом оптимизировало социальные отношения середины XVII в., приведя в большее соответствие нормы закона и реальное положение в стране. Но, конечно, всех противоречий Уложение решить не могло. Так, В.Н. Алексеев обнаружил документы, из которых следует, что в челобитной от 9 марта 1649 г. курянин Малышев, работавший на Земском соборе как делегат «по выбору всего города курчан», жаловался на то, что некоторые жители остались крайне недовольны статьей Уложения об ограничении торговли в воскресные и праздничные дни (ст. 26 Главы X) и за это наговаривали на него (будто он в Москве «курчан весь город ... всяким дурном огласил») и намеревались в отношении него «всяко дурно учинити» [11, с. 80]. По этому вопросу был составлен такой ответ: «шумят де на него курчане, что он на Москве разных их прихотей в Уложенье не исполнил, и нам

бы его пожаловать, велети ему дати береженную грамоту» [11, с. 81]. Если же иметь в виду масштаб всей страны, то достаточно указать на восстание Разина, показавшее остроту социальных противоречий, сгладить которые не помогло и Уложение.

Следует отметить также, что Соборное уложение было составлено на уровне законотворческой деятельности, который существовал тогда в России, и с позиции современных теоретико-правовых воззрений имеет определенные изъяны. Следует согласиться с мнением о том, что правовая практика XVII в. еще не имела сложившихся правил составления закона, поскольку в одном и том же правовом источнике, в данном случае в Уложении, содержалось несколько альтернативных, а порой и взаимоисключающих решений по одному и тому же вопросу; во многих случаях на практике действующее право дополнялось различными общепринятыми обычаями, нигде в законе письменно не обозначенными [12, с.8]. Однако указанные обстоятельства ничуть не принижают значительной роли Соборного Уложения в правовой истории России.

Библиографический список

1. Маньков А.Г. Уложение 1649 года: кодекс феодального права России. - М.: ГПИБ, 2003. 369 с.
2. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. - М.: МГУ, 1961. 443 с.
3. Государственное Древлехранилище хартий и рукописей (опись док. матер. Ф. 135) / Сост. В.Н. Шумилов. - М.: Внешторгиздат, 1971. 204 с.
4. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. Т. 6 / Под ред. А.А. Новосельского, Н.В. Устюгова. - М.: АН СССР, 1955. 1047 с.
5. Зерцалов А.Н. Новые данные о земском соборе 1648-1649 гг.. - М.: Универс.типогр., 1887. 80 с.
6. Уложение от 29.01. 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. № 1.

7. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. - СПб., 1836. № 33.
8. Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 2. - М.-Л.: АН СССР, 1948. 736 с.
9. Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. - М.-Л.: АН СССР, 1962. 422 с.
- 10 Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI-XVII вв. - М.: Наука, 1978. 417 с.
11. Алексеев В.Н. Новый документ к истории земского собора. 1648-49 год // Древности. Труды Археологической комиссии Московского археологического общества. 1900. Т. 2. Вып. 1. С. 79-84.
12. Анучина Ю.Н. Историко-правовое исследование гражданского права по Соборному уложению 1649 года: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 22 с.

Оригинальность 75%